Е. К. МИЛЛЕРЪ

АРМІЯ

Докладъ на конференціи Національнаго Союза въ Парижѣ
13 сентября 1924 года

БѢЛГРАДЪ
1924

Три года тому назадъ Съѣздъ Русскаго Національнаго Объединенія, собравшійся въ Парижѣ, опредѣлилъ свое отношеніе къ арміи, къ Русской арміи, томившейся въ то время въ возрожденномъ ею изъ развалинъ Галлиполи и на суровомъ Лемносѣ, въ насильственномъ разобщеніи со своимъ Главнокомандующимъ.

Я былъ бы неправъ, сказавъ, что тогда же, съ первыхъ шаговъ дѣйствій Національнаго Комитета, рожденнаго изъ нѣдръ Національнаго Съѣзда, былъ найденъ общій языкъ; найти можно лишь то, что приходится искать.

Въ данномъ случаѣ не было надобности искать общій языкъ, онъ явился естественно, какъ результатъ одинаковаго пониманія великой, тяжелой и отвѣтственной задачи, стоявшей передъ всѣми русскими людьми, любящими свою родину, и вслѣдствіе одинаковой оцѣнки условій, въ которыхъ успѣшнѣе можетъ быть разрѣшена эта задача и достигнута поставленная цѣль — спасеніе Россіи отъ губящихъ ее агентовъ III интернаціонала, для которыхъ Россія — не Родина и даже не государство, а пустой звукъ, территорія Россіи — лишь арена для соціалистическихъ и коммунистическихъ опытовъ, населеніе Россіи — лишь быдло, эксплоатируемое въ интересахъ шайки привилегированныхъ сверхъ-коммунистовъ, а всѣ вѣками скопленныя и сказочно быстро развивавшіяся богатства Россіи — лишь средство для подготовки міровой революціи во славу III интернаціонала.

Большевики — враги Россіи, совѣтская власть — вражеская власть, безконечно вредная, губящая Россію морально и матеріально; съ ней не можетъ быть никакихъ компромиссовъ; съ ней можетъ быть только борьба, и не можетъ, а должна быть борьба всегда и всѣми силами, всѣми способами, не исключая и возможности вооруженной борьбы.

Вотъ на чемъ воспитывалась Добровольческая армія, влившая въ себя все лучшее, спасшееся съ другихъ бѣлыхъ фронтовъ, и по праву носящая съ 1920 г. высокое названіе Русской арміи, ей же и честь, ей же и отвѣтственность.

По своему составу, по своему воспитанію, по своему духу, по своимъ идеаламъ Русская армія является преемницей, плоть отъ

плоти, кровь отъ крови Императорской Россійской арміи, съ ея многовѣковой славой, съ ея чудо-богатырями, которые спасителями и побѣдителями побывали во всѣхъ странахъ Европы.

Въ тяжкія минуты общаго развала арміи и государства, въ ужасную годину повальнаго сумасшествія не по талантамъ выдвинутыхъ верховъ общественности и всей массы населенія до самой толщи низовъ его, все лучшее честное, не могшее примириться ни съ мыслью о томъ, что Россійская армія перестала существовать, ни съ фактомъ, что Россіей правятъ авторы Брестъ-Литовскаго позора, не люди, а звѣри — все сильное и смѣлое стало стекаться подъ знамена Добровольческой арміи; и здѣсь, какъ и въ старой арміи, основанной на всеобщей воинской повинности, собрались люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ и даже разныхъ политическихъ настроеній; становясь въ ряды арміи, во имя служенія высшему идеалу, они забывали о раздѣлявшихъ ихъ политическихъ и партійныхъ перегородкахъ; объединяло ихъ, какъ и въ старой арміи, чувство любви къ Родинѣ, готовность идти по приказу начальника защищать Россію отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Русская національная армія, собравшись подъ русское національное знамя, дѣлала русское національное дѣло.

Національный Съѣздъ во имя побѣды русской національной идеи звалъ для борьбы съ большевиками и для возстановленія Россіи всю зарубежную русскую эмиграцію, въ которой сохранились въ непрерывности и въ неоскверненной чистотѣ обломки священныхъ началъ русской государственности.

Да, и армія была такимъ обломкомъ русской государственности, самымъ реальнымъ, самымъ внушительнымъ, быть можетъ самымъ цѣннымъ, ибо бѣлая Русская армія, по образному выраженію Вашего предсѣдателя, стала священнымъ сосудомъ русской чести, благодаря борьбѣ и подвигу которой мы, русскіе, за рубежомъ можемъ безъ зазрѣнія совѣсти смотрѣть въ глаза всему міру и быть увѣренными въ своемъ воскресеніи.

Такъ было три года тому назадъ.

Что же представляетъ собой Русская армія теперь?

Существуетъ ли она еще?

Безъ оружія, безъ территоріи, безъ возможности осуществленія Главнокомандующимъ и всѣми начальниками своей власти по военному закону, распыленная, живущая въ разныхъ странахъ, въ несчетномъ количествѣ городовъ всего міра, озабоченная добываніемъ себѣ средствъ къ существованію тяжелымъ, подчасъ непосильнымъ, трудомъ, — развѣ это армія, развѣ это полки, развѣ это воины, развѣ на эти десятки тысячъ людей еще можно смотрѣть, какъ на сильныхъ и крѣпкихъ защитниковъ своей Родины?

На всѣ эти вопросы, иногда недоумѣнные, иногда тревожные, я могу дать ясный и опредѣленный отвѣтъ: да, армія жива, несмотря на разбросанность офицеровъ и солдатъ, полки существуютъ и десятки тысячъ воиновъ, помимо заботъ о хлѣбѣ насущномъ,

живутъ, проникнутые глубокой вѣрой въ святое призваніе арміи помочь спасти Россію и возстановить въ ней законность и порядокъ.

За эти три съ половиной года армія испытала много тяжелаго и отъ своихъ, и отъ чужихъ; много ударовъ судьбы ей пришлось перенести, но подъ ударами тяжкаго молота выковался крѣпкій стальной булатъ, мелкое раздробленное стекло отпадало, иногда съ рѣжущимъ ухо скрипомъ и дребезжаніемъ. И нынѣ существованіе арміи есть фактъ не только сегодняшняго дня, но и завтрашняго, ибо никакія силы физическія, никакое насиліе надъ ней не могутъ ее уничтожить и обратить изъ бытія въ небытіе.

Ея сила, ея неуязвимость заключаются въ сознаніи, которымъ проникнутъ каждый воинъ отъ Главнокомандующаго до послѣдняго солдата, что для сверженія совѣтской власти и для возстановленія Россіи нужна военная сила, организованная и дисциплинированная, крѣпкая своей внутренней спайкой, когда всѣ за одного и одинъ за всѣхъ; они — офицеры и солдаты Русской арміи — и только они составляютъ эту военную силу, и ихъ долгъ передъ Родиной все претерпѣть, все безропотно перенести, не только тѣ солдатскія нужды, о которыхъ говорила солдатская присяга, но и гораздо больше — ибо они должны сохранить себя въ арміи и для арміи, т. е. для Россіи.

И пока это убѣжденіе и это чувство долга передъ горячо-любимой Родиной въ нихъ живы, пока сохраняется организація, обезпечивающая имъ возможность эти убѣжденія претворить въ дѣло — до тѣхъ поръ армія жива, хотя бы всѣ офицеры и солдаты обратились въ рабочихъ и разошлись по городамъ и весямъ всего міра. А перенести за эти три года пришлось не мало Вспомнимъ походъ противъ арміи со стороны нѣкоторыхъ круговъ русской общественности въ 1921 г., нашедшій себѣ выраженіе на страницахъ лѣвой печати. Походъ противъ арміи, какъ военной организаціи, когда малыхъ сихъ соблазняли убѣжденіями и уговорками, что ихъ жертва Россіи не нужна, что армія никому больше не нужна, что она есть праздная затѣя генераловъ, желающихъ играть въ солдатики; походъ противъ дисциплины, когда шло систематическое возбужденіе подчиненныхъ противъ своихъ начальниковъ, приправленное лицемѣрнымъ участіемъ къ ихъ страданіямъ. Да, если бы этотъ походъ удался, то армія перестала бы существовать, ибо безъ организаціи и безъ дисциплины эти десятки тысячъ воиновъ, эти полки обратились бы въ пыль, въ толпу, въ лучшемъ случаѣ — въ толпу несчастныхъ бѣженцевъ. Но армія это испытаніе выдержала; да, были стеклышки, которыя дребезжа и скрипя отвалились, нашлись даже охотники подбирать эти стекляшки; избавившись отъ слабыхъ, армія стала сильнѣй.

Вспомнимъ нажимъ, произведенный въ 1921 г. въ Галлиполи и Лемносѣ, когда подъ угрозой голода была сдѣлана попытка распылить армію: лишенное совѣтовъ своихъ офицеровъ, громадное большинство казаковъ и солдатъ отвѣтило соблазнителямъ: „голодъ, такъ голодъ, но изъ арміи мы не уйдемъ, пусть идутъ на хорошіе

хлѣба кому это важно, а намъ важно остаться въ своемъ полку". Еще крѣпче закалился булатъ.

Время шло. Прошелъ медовый мѣсяцъ пребыванія въ славянскихъ братскихъ странахъ и началась новая страда для тѣхъ частей — пѣхота, артиллерія и донскіе казаки — которые расположились въ Болгаріи: самымъ гнуснымъ гоненіямъ подверглась армія со стороны болгарскихъ властей, продавшихся московскимъ коммунистамъ и пользовавшихся для этого не только подонками болгарскаго населенія, но и непосредственно агентами ЧК и ВЦИК.

Большевиками поставлена была господину Стамболійскому въ Генуѣ та же цѣль, указаны тѣ же пути для достиженія ея, о которыхъ я упоминалъ, говоря о кампаніи въ зарубежной русской лѣвой печати; цѣль — уничтоженіе Русской арміи, средство — уничтоженіе организаціи путемъ физическаго распыленія и уничтоженія дисциплины, путемъ подрыва авторитета военныхъ властей и путемъ прекращенія общенія начальниковъ съ подчиненными, дабы въ корнѣ убить всякое вліяніе однихъ на другихъ.

Средства, какъ видите, тѣ же, но пріемы, естественно, были другіе: тамъ единственный доступный пріемъ была пропаганда, инсинуація, клевета; здѣсь дѣло было проще и сводилось къ грубому физическому насилію вплоть до правительственныхъ распоряженій о насильственномъ выгонѣ изъ казармъ и всеобщемъ распыленіи группами въ 20-30 человѣкъ по всей Болгаріи, вплоть до массовыхъ арестовъ безъ всякаго повода и безнаказанныхъ убійствъ жандармскими и полицейскими властями, вплоть до массоваго внезапнаго лишенія работы на заводахъ и копяхъ, по требованію пріѣзжавшихъ русскихъ коммунистовъ, вплоть до безпричинной высылки всѣхъ старшихъ начальниковъ.

И одновременно съ терроромъ, распространявшимся только на армію, дѣйствовалъ и соблазнъ: „перестаньте быть врангелистами, т. е. офицерами и солдатами Русской арміи, снимите военную форму и галлиполійскіе значки, перестаньте признавать надъ собой власть начальниковъ, которые въ Болгаріи не смогутъ причинить вамъ никакихъ непріятностей, и вы будете пользоваться всѣми благами жизни и полной свободой въ Болгаріи" — говорили нашимъ офицерамъ и солдатамъ; и какъ бы въ доказательство своихъ словъ, рядомъ съ гоненіями на чиновъ арміи, болгарское правительство оказывало знаки вниманія и заботы тѣмъ русскимъ ветеранамъ турецкой войны 1877-78 г.г., которые по преклонному возрасту естественно не состояли въ арміи.

Время для этого натиска вражескихъ силъ было выбрано чрезвычайно удачно: съ іюля 1922 года, вслѣдствіе изсяканія средствъ, отпущенныхъ Совѣщаніемъ Пословъ на содержаніе въ Болгаріи арміи, или, какъ говорилось изъ уваженія къ международному праву, на содержаніе контингентовъ, всѣ 16-17 тысячъ русскихъ воиновъ въ Болгаріи — офицеры, солдаты, казаки — должны были отъ казарменной жизни подъ непосредственнымъ наблюденіемъ полкового начальства и отъ казеннаго пайка перейти къ индивидуальной работѣ

и фактически разойтись по городамъ и деревнямъ Болгаріи въ поискахъ работы въ силу приказа Главнокомандующаго.

Съ какой величественной простотой былъ принятъ этотъ приказъ — съ завтрашняго дня я не имѣю болѣе средствъ содержать васъ, вы сами должны заботиться о своемъ хлѣбѣ насущномъ, — говорилъ имъ Главнокомандующій.

Я лично передавалъ приказъ генерала Врангеля частямъ, и что же я слышалъ въ отвѣтъ — ни слова неудовольствія, ни слова сомнѣнія, полная готовность немедленно и безоговорочно исполнить приказъ своего Главнокомандующаго. Если высказывалось сожалѣніе нѣкоторыми, то только о томъ, что этого имъ не сказали ранѣе, а теперь всеобщее стремленіе было - скорѣе найти себѣ работу, чтобы скорѣе освободить казну Главнокомандующаго отъ расходовъ на людей здоровыхъ и сильныхъ (увы, далеко не всѣ, считавшіе себя таковыми, дѣйствительно ими были послѣ всего пережитаго за годы войны и междоусобицы) и сохранить возможно больше средствъ на содержаніе инвалидовъ, женщинъ и дѣтей.

И это испытаніе армія выдержала. Болѣе года продолжались эти преслѣдованія, и на всѣ эти запугиванія, на всѣ гоненія, на всѣ соблазны отвѣтъ былъ все тотъ же — „мы русскіе солдаты, Господь за насъ, мы побѣдимъ“.

Не могу не привести очень характерный фактъ: въ самый разгаръ большевистскихъ преслѣдованій въ одной казармѣ, гдѣ помѣщались русскія части, былъ сдѣланъ обыскъ; такіе обыски, якобы для отысканія спрятаннаго оружія, сопровождались всегда самыми непристойными выходками по отношенію къ старшимъ офицерамъ и производились обязательно при участіи русскихъ предателей, чаще всего изъ числа лицъ, изгнанныхъ изъ полка и изъ арміи за недостойное поведеніе. Подходятъ къ запертой двери, ее открываютъ — тамъ сидятъ два солдата, арестованные своимъ ротнымъ командиромъ. Немедленно болгарскія власти заявили арестованнымъ, что они свободны, что на болгарской территоріи никто не имѣетъ права лишать ихъ свободы, что ихъ начальникъ самъ попадетъ въ тюрьму за самоуправство, если они о томъ заявятъ, и послѣ цѣлаго ряда глумленій по адресу ихъ начальниковъ, обоихъ солдатъ торжественно выводятъ изъ казармы на глазахъ у всѣхъ собранныхъ офицеровъ и солдатъ полка. Казалось, что болгарскія власти на этотъ разъ не даромъ получили субсидку изъ Москвы; казалось, престижу начальниковъ былъ нанесенъ жестокій ударъ. Увы — всѣ старанія были напрасны. Черезъ два часа, какъ только болгарскія власти ушли и въ казармѣ все успокоилось, оба солдата вернулись въ казарму, явились дежурному офицеру, чтобы досидѣть назначенный имъ срокъ ареста.

Невольно возникаетъ вопросъ — чѣмъ это объяснить. У Главнокомандующаго и начальниковъ всѣхъ степеней нѣтъ къ ихъ услугамъ для поддержанія порядка и дисциплины ни военнаго суда, ни дисциплинарной власти, ибо каждый, не желающій нести наказанія, могъ свободно уйти изъ казармы, бросивъ полкъ. Не было съ конца

1922 г. и матеріальной зависимости, ибо каждый жилъ на самолично заработанныя деньги, — и все же приказанія исполнялись, наказанія отбывались; вся жизнь шла такъ, какъ будто жили въ нормальныхъ условіяхъ. По странной ироніи судьбы та добровольная дисциплина, „революціонная", какъ ее называли глашатаи первыхъ временъ Временнаго правительства, съ такимъ губительнымъ результатомъ пытавшіеся насадить ее по приказу совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,— эта добровольная дисциплина получила свое самое полное осуществленіе въ Русской арміи съ 1922 года. Объяснить это можно только громаднымъ престижемъ Главнокомандующаго генерала Врангеля и тѣхъ подчиненныхъ ему начальниковъ, которые водили войска въ бой и переживали съ ними галлиполійскую и лемносскую травлю.

Авторитетъ генерала Врангеля стоитъ на такой высотѣ, что даже самое непопулярное приказаніе его будетъ всѣми отъ мала до велика выполнено въ арміи безъ малѣйшаго колебанія.

Достаточно указать на поведеніе разбросанныхъ на работахъ по всей Болгаріи нашихъ контингентовъ въ дни сверженія правительства Стамболійскаго, когда, несмотря на всѣ ранѣе бывшія гоненія и притѣсненія, ни одинъ солдатъ не позволилъ себѣ поддаться чувству злорадства и мести, и всѣ свято выполнили приказъ генерала Врангеля — не вмѣшиваться во внутреннія дѣла государства, давшаго имъ пріютъ. Это происходило въ началѣ іюня 1923 г.

Къ этому же времени относится и другой фактъ, выявившій какъ неограниченный авторитетъ генерала Врангеля и старшихъ начальниковъ въ глазахъ ихъ подчиненныхъ, такъ и жертвенную готовность всѣхъ чиновъ арміи; приходилось предвидѣть приближавшуюся невозможность средствами главнаго командованія поддерживать и тѣ ничтожные кадры, которые остались послѣ 1 сентября 1922 г., и необходимые околодки, бани, столовыя для прибывающихъ съ работъ, однимъ словомъ — приходилось учитывать надвигающуюся невозможность поддерживать всѣ насущные элементы полковой организаціи.

Какъ отвѣтили работавшие офицеры и солдаты на откровенно высказанное имъ опасеніе Главнокомандующаго?

Рѣшили, что нужно помочь Главнокомандующему сохранить армію и полки, и съ той поры всѣ работающіе добровольно посылаютъ ежемѣсячно по 15 левъ своему командиру полка въ безотчетное его распоряженіе на нужды полка для сохраненія полковой организаціи; и внесеніе этой лепты вдовицы свято соблюдается не только живущими въ Болгаріи, но и работающими во Франціи, въ Венгріи, въ Сербіи — вдали отъ всякаго непосредственнаго вліянія ихъ начальниковъ.

Мнѣ кажется, что это такая лакмусовая бумажка на авторитетъ генерала Врангеля, послѣ которой уже нѣтъ и надобности особо опровергать сказанное уважаемымъ генеральнымъ секретаремъ Національнаго Комитета Ю. Ф. Семеновымъ, что генералъ Врангель,

обращаясь къ Великому Князю, искалъ у него поддержки своему авторитету въ глазахъ арміи ради спасенія ея.

Юлій Федоровичъ, несомнѣнно, сдѣлался жертвой слуховъ, усиленно распространявшихся лицами, враждебно относящимися къ ген. Врангелю и искавшими случай дискредитировать его даже по поводу его рѣшенія безоговорочно подчиниться и подчинить армію Великому Князю, какъ вождю національнаго движенія, каковое рѣшеніе встрѣчено было арміей съ радостью и надеждой.

Нѣтъ, конечно, не такими соображеніями руководствовался ген. Врангель, обращаясь къ Великому Князю. Да, наконецъ, если бы для спасенія арміи, какъ было здѣсь сказано, дѣйствительно требовалось подпереть авторитетъ Главнокомандующаго другимъ, высшимъ авторитетомъ, то можно съ увѣренностью сказать, такую армію спасать уже было поздно: для начальника, потерявшаго свой авторитетъ или неувѣреннаго въ немъ, остается только одинъ выходъ — отойти отъ арміи.

Нѣтъ, открытое, ясное, опредѣленное заявленіе Главнокомандующаго о готовности своей повести армію за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ имѣетъ серьезное, глубоко-продуманное основаніе государственнаго характера; въ немъ, своемъ бывшемъ Верховномъ Главнокомандующемъ, вся армія, въ полномъ единодушіи со своимъ Главнокомандующимъ, рада и счастлива была видѣть вождя національнаго движенія, высшаго руководителя всѣхъ усилій, направленныхъ къ сверженію совѣтской власти въ Россіи и къ возстановленію въ ней порядка и законности.

Послѣ паденія Крыма, съ потерей послѣдней пяди русской территоріи, руководство борьбой съ большевиками, уже не вооруженной борьбой, а политической, пытались захватить эмигрантскіе круги разныхъ политическихъ направленій: созывъ членовъ Учредительнаго Собранія — для лѣвыхъ, Монархическій съѣздъ — для правыхъ, и Національный съѣздъ въ Парижѣ для центра — явились въ первой половинѣ 1921 г. показателемъ, что эмигрантская мысль, — худо-ли, хорошо-ли, — но работаетъ въ направленіи освобожденія Россіи отъ большевисткой власти независимо отъ работы, шедшей изъ Константинополя отъ главнаго командованія. Но работа эта была „растопыренными пальцами“, по выраженію ген. Драгомирова, а не кулакомъ, и большая часть энергіи шла на борьбу съ сосѣдомъ справа или слѣва вмѣсто нанесенія совмѣстныхъ ударовъ большевикамъ.

Въ единеніи отдѣльныхъ усилій — сила. L'union fait la force.

И когда ген. Врангель убѣдился, что его попытки собрать всѣ общественныя антибольшевистскія силы вокругъ арміи не увѣнчались успѣхомъ, что его авторитетъ въ глазахъ разныхъ эмигрантскихъ группъ русской общественности, а не арміи, повторяю, недостаточенъ для достиженія желанной цѣли, то онъ сталъ искать высшій авторитетъ, могущій возглавить національное движеніе, могущій своимъ именемъ привлечь къ себѣ возможно болѣе широкія группы русской эмиграціи и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить довѣріе къ

національному движенію, идущему изъ эмиграціи, и угнетенному населенію Россіи.

Это имя было у всѣхъ на устахъ: и разумъ, и сердце его подсказывали, и вся армія единодушно устами Главнокомандующаго выразила свою готовность идти за Великимъ Княземъ, свою радость снова стать въ подчиненіе своему Верховному Главнокомандующему міровой войны.

Не для спасенія арміи, не для поддержанія авторитета главнаго командованія въ глазахъ арміи было выдвинуто свѣтлое имя Великаго Князя, а для созданія общаго фронта всѣхъ государственно мыслящихъ людей въ эмиграціи, для созданія руководящаго центра, для прекращенія разнобоя между Бѣлградомъ и Парижемъ, между Place du Palais Bourbon, Bd. St. Michel и rue Bellechasse*), для согласованія отдѣльныхъ усилій этихъ отдѣльныхъ центровъ и, что не менѣе важно, для того, чтобы найти общій языкъ съ запуганнымъ, сбитымъ съ толку, невѣрно и тенденціозно освѣдомляемымъ подневольнымъ населеніемъ СССР.

Какъ же живетъ армія теперь?

Ея духовный обликъ я постарался изложить. Остается сказать нѣсколько словъ о матеріальныхъ условіяхъ жизни и о тѣхъ новыхъ формахъ, въ которыя воплощается жизнь, если не всей арміи, то части офицерства.

Въ Болгаріи около 8 500 офицеровъ и солдатъ галлиполійскаго отряда работаютъ группами отъ 15 до 1.500 человѣкъ въ мастерскихъ, на фабрикахъ, на заводахъ, въ рудникахъ, на постройкахъ дорогъ и даже на сельско-хозяйственныхъ работахъ, зарабатывая отъ 40 до 100 левъ въ сутки при 8 мичасовомъ рабочемъ днѣ; всего свыше 60 группъ; въ каждой группѣ имѣется назначенный старшій; въ пунктахъ большого скопленія имѣются назначенные старшіе для людей даннаго полка, и общій старшій для всей группы въ данномъ городѣ; получается простая, но крѣпкая организація.

Въ такихъ же условіяхъ живутъ и работаютъ донскіе казаки, которыхъ въ Болгаріи насчитывается до 4.000 человѣкъ.

Небольшой кадръ 5-6 человѣкъ на полкъ съ командиромъ полка во главѣ составляетъ ядро каждаго полка, каждой отдѣльной части. Въ вѣдѣніи кадра находится казарма, гдѣ каждый безработный временно можетъ найти пріютъ и столъ за скромную плату. При каждой части имѣются околодки, гдѣ больные офицеры или солдаты всегда найдутъ даровой уходъ.

Военныя училища, за отсутствіемъ средствъ на ихъ содержаніе и на оплату содержанія обучающейся молодежи, съ прошлаго года прекратили свою дѣятельность, какъ учебныя заведенія, и остались лишь какъ воинскія части, считая въ своемъ составѣ по нѣсколько сотъ молодыхъ офицеровъ послѣднихъ 2-хъ выпусковъ, которые

---

*) Place du Palais Bourbon — правленіе союза торгово промышленныхъ и финансовыхъ дѣятелей.
Boulevard St. Michel — Русскій Національный Комитетъ.
Rue Bellechasse — Монархическое объединеніе во Франціи.

продолжаютъ въ составѣ офицерскихъ ротъ или батарей находиться на попеченіи и въ вѣдѣніи и подчиненіи у начальниковъ училищъ, работая, какъ простые рабочіе, наравнѣ со всѣми, но группами однороднаго состава. До 2.000 юнкеровъ за три года со дня эвакуаціи успѣли, однако, получить законченное среднее образованіе и нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія — по топографіи, механикѣ, химіи, строительному дѣлу и т. п., облегчающія имъ полученіе квалифицированной работы. И, что особенно важно, эта молодежь, частью пріѣхавшая съ родителями въ видѣ кадетъ-подростковъ, частью уже побывавшая въ рядахъ арміи недоучившимися добровольцами, въ самые критическіе годы, 18-20 лѣтъ, среди тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условій бѣженской жизни получила должное воспитаніе въ правилахъ чести, порядочности, честности и любви къ Родинѣ.

Въ Сербіи, послѣ двукратной непродолжительной службы нѣкоторыхъ частей регулярной кавалеріи въ сербской пограничной стражѣ, всѣ тамъ находящіяся части — регулярная кавалерія, кубанская дивизія, гвардейскіе казаки, конвой и мелкія техническія части, вслѣдствіе благожелательнаго отношенія правительства, стояли на разныхъ работахъ не группами случайнаго состава и численности, а цѣлыми войсковыми частями, взводами, эскадронами, сотнями и даже цѣлыми полками, сохраняя свою военную организацію; всего насчитывается въ 25 пунктахъ до 4 000 регулярныхъ войскъ и приблизительно столько же казаковъ, преимущественно кубанцевъ; заработокъ отъ 30 до 60 дин. въ сутки. Живутъ частью въ выстроенныхъ самими войсками и прекрасно оборудованныхъ землянкахъ и баракахъ, частью по квартирамъ.

Большая часть работъ — строительныя, дорожныя.

Лишь небольшая часть кавалеріи находится еще на сербской службѣ въ финансовой стражѣ, сравнительно хорошо оплачиваемой и не налагающей на своихъ чиновъ обязанностей военнаго характера. Необходимо отмѣтить, что хорошія отношенія къ русскимъ контингентамъ какъ со стороны властей, такъ и мѣстнаго населенія въ Старой Сербіи, въ связи съ наличіемъ большого количества групповыхъ работъ въ Королевствѣ, въ значительной степени облегчили проведеніе въ жизнь основной задачи постановки арміи на работы съ сохраненіемъ организаціи.

Имѣя въ виду отсутствіе свободныхъ средствъ въ казнѣ главнаго командованія и всегда возможное прекращеніе по разнымъ причинамъ групповыхъ работъ, вообще возможность временной безработицы, генералъ Врангель приказалъ обратить особое вниманіе на скорѣйшее образованіе во всѣхъ частяхъ запасныхъ капиталовъ, пропорціонально заработку каждаго чина арміи, находящагося на работахъ. Вклады эти составляютъ личную собственность каждаго вкладчика и расходуются лишь для обезпеченія довольствіемъ въ случаѣ перерыва въ работахъ.

Кромѣ вычетовъ въ запасный капиталъ, вездѣ, гдѣ чины арміи, потерявшіе трудоспособность на работахъ, не получаютъ обезпеченія

отъ министерства труда, Главнокомандующимъ указано еще производить и отчисленія въ особый инвалидный капиталъ.

Мѣры эти во всѣхъ частяхъ проводятся въ жизнь и люди, понимая ихъ значеніе, широко идутъ навстрѣчу начинаніямъ Главнокомандующаго, нерѣдко производя большія, чѣмъ указано, отчисленія на случай временной безработицы. Такимъ образомъ, организація и дисциплина служатъ на пользу не только общему дѣлу, осуществленію идеи, но и на благо каждому чину арміи въ отдѣльности.

Со своей стороны главное командованіе черезъ полковые кадры поддерживаетъ самую тѣсную связь со всѣми чинами арміи, не прекращаетъ свою заботу объ нихъ, освѣдомляетъ ихъ о томъ, что дѣлается въ арміи и въ государствахъ, пріютившихъ армію, и въ политическомъ антибольшевистскомъ центрѣ — Парижѣ, и въ совѣтской Россіи, и въ западно-европейскихъ государствахъ.

Нѣсколько словъ я долженъ посвятить и положенію нашего флота въ Бизертѣ. Вы всѣ помните, господа, какую историческую труднѣйшую и почетную задачу выполнилъ нашъ флотъ въ моментъ эвакуаціи Крыма. Франція дала ему пріютъ въ Бизертѣ и съ тѣхъ поръ наши суда приведены въ состояніе долговременнаго храненія, и Андреевскій флагъ рѣетъ надъ эскадрой.

Свыше 300 человѣкъ команды, живущей на судахъ и охраняющей ихъ, получаютъ паекъ, освѣщеніе и отопленіе отъ французскаго правительства.

Остальные чины эскадры, по примѣру своихъ сухопутныхъ соратниковъ, разошлись на индивидуальныя работы частью въ Тунисѣ, частью во Франціи; многіе уѣхали въ Америку, гдѣ первые піонеры-моряки съ большой заботливостью встрѣчали и помогали устроиться на работы послѣдующимъ эшелонамъ.

Морской корпусъ, перевезенный въ Бизерту на судахъ эскадры, продолжалъ обученіе своихъ воспитанниковъ и за эти три съ половинной года выпустилъ 250 молодыхъ людей съ оконченнымъ морскимъ образованіемъ; послѣднее время образованіе ограничилось курсомъ средне-учебнаго заведенія, и такихъ юношей курсъ выпустилъ около 100 и еще 50 доучиваются. Главныя средства на на содержаніе Морского корпуса давало французское правительство; въ мѣрѣ возможности поддерживало его и главное командованіе.

Съ весны 1923 года въ наладившуюся гармонію жизни арміи вторгся новый мотивъ: стремленіе улучшить свое матеріальное положеніе и пользоваться болѣе культурными условіями жизни, чѣмъ тѣ, которыя были удѣломъ рабочихъ въ Сербіи и Болгаріи. Достаточно сказать, что въ болгарскихъ угольныхъ копяхъ на Перникѣ не было даже воды и крановъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы рабочіе, не выходя изъ шахты, могли ежедневно обмывать себя отъ угольной пыли; не говорю уже объ условіяхъ размѣщенія въ полуразрушенныхъ грязныхъ баракахъ, гдѣ не было спасенія отъ насѣкомыхъ.

Первая партія въ количествѣ 20 офицеровъ подъ начальствомъ подполковника Дядюры прибыла на угольныя копи въ Деказвиль, въ ю.-з. части Франціи, въ началѣ марта 1923 г.

Жизнь рабочихъ французскихъ угольныхъ копей показалась этимъ піонерамъ раемъ въ сравненіи съ ихъ жизнью въ Болгаріи при Стамболійскомъ, гдѣ всѣ старанія администраціи, казалось были направлены на то, чтобы сдѣлать жизнь русскаго рабочаго изъ „врангелистовъ" невыносимой. Чистая койка, обильная пища, безпристрастность обращенія мѣстныхъ властей, какъ со всѣми прочими иностранцами, внимательное отношеніе заводской администраціи, быстро оцѣнившей добросовѣстную работу офицера Русской арміи, возможность имѣть, сверхъ квартиры и ѣды, ежедневно еще 6-8 фр. на личные расходы,— всего этого уже давно были лишены Галлиполійцы, работавшіе въ Болгаріи.

Первый опытъ оказался удачнымъ и съ лѣта 1923 г. началась тяга изъ арміи во Францію и Бельгію.

Главное командованіе чѣмъ могло содѣйствовало этому улучшенію личнаго положенія офицеровъ и содатъ арміи, помогало денежными средствами на переѣздъ, содѣйствовало полученію визъ, сговору съ министерствами труда и иностранныхъ дѣлъ для полученія визъ и обезпеченнаго заработка, считая своей прямой задачей помогать лучшему устройству жизни чиновъ арміи. Кое-кто заговорилъ о распыленіи арміи, но этого главное командованіе не опасалось; Главнокомандующій вѣрилъ въ крѣпкую спайку частей арміи и не предвидѣлъ вредныхъ или опасныхъ послѣдствій для арміи отъ такого физическаго распыленія. Какъ иллюстрацію, приведу два факта, случайно ставшіе мнѣ извѣстными: въ началѣ марта 1923 г. прибыла, какъ уже сказано, изъ Болгаріи на угольныя копи въ Деказвиль въ поношенныхъ френчахъ первая сборная рабочая офицерская партія; черезъ мѣсяцъ, въ апрѣлѣ, изъ перваго же своего скуднаго заработка, раньше чѣмъ подумать о себѣ, о необходимости завести себѣ хотя бы бѣлье и штатскій костюмъ, каждый офицеръ послалъ къ Пасхѣ по 15-20 фр. въ свой полкъ для улучшенія разговѣнія своихъ однополчанъ, собирающихся въ полкъ въ казарму для встрѣчи Свѣтлаго Праздника. Другой фактъ — недавно временно командующій однимъ изъ полковъ въ Болгаріи донесъ командиру полка сюда въ Парижъ, что изъ числа 1.100 человѣкъ еще находящихся на работахъ въ Болгаріи небольшая группа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ получила разрѣшеніе французскихъ властей для пріѣзда во Францію на работы, но скопленныхъ сбереженій недостаточно для оплаты путешествія. Командиръ полка собралъ старшихъ офицеровъ изъ живущихъ въ Парижѣ и предложилъ имъ немедленно переговорить со всѣми офицерами полка, здѣсь работающими: черезъ нѣсколько часовъ 5.000 франковъ лежали на столѣ у командира полка. И это дали не богачи, а люди, тяжелымъ трудомъ зарабатывающіе по 500-600 франковъ въ мѣсяцъ. Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Господа, можете ли вы указать среди бѣженцевъ, сплоченныхъ въ бытовыя и профессіональныя организаціи, много примѣровъ такой солидарности, такой спайки не на словахъ, не въ блестящихъ рѣчахъ за стаканомъ вина или съ кафедры, подъ громъ апплодисментовъ, а на дѣлѣ, въ кругу своихъ безъ шума, скромно.

Одновременно съ тягой во Францію, съ Балканъ изъ войсковыхъ частей арміи, по другимъ причинамъ, отчасти политическимъ, отчасти экономическимъ, – пошла тяга во Францію и изъ другихъ странъ, главнымъ образомъ изъ Германіи и Польши.

И здѣсь Главнокомандующему пришлось помогать и матеріально и заботами о визахъ, о пріисканіи работъ; въ особенно тяжеломъ положеніи очутились офицеры, солдаты и казаки, интернированные въ Польшѣ, входившіе въ 1920 году въ составъ III русской арміи. Перевозка ихъ при дѣятельномъ участіи представителя Главнокомандующаго генерала Махрова и при помощи отпущенныхъ главнымъ командованіемъ средствъ идетъ полнымъ ходомъ.

Въ результатѣ вся Франція покрылась сѣтью группъ русскихъ рабочихъ, офицеровъ и солдатъ. Громадная работа выпала на долю военнаго представительства во Франціи и еще ожидаетъ его въ ближайшемъ будущемъ, ибо почти всѣ эти группы, отдѣлы и союзы, тяготѣютъ къ главному командованію, почти всѣ прибывшіе хотятъ сохранить или установить связь съ арміей.

Одновременно съ перемѣщеніемъ офицеровъ съ Балканъ въ другія страны, съ временной ихъ отлучкой изъ полковъ получилъ большое значеніе и вопросъ объ офицерскихъ союзахъ. Уже съ 1921 г. во всѣхъ странахъ Европы начали образовываться офицерскіе союзы, нѣкоторые по частной инициативѣ отдѣльныхъ лицъ, какъ напримѣръ, въ Парижѣ по инициативѣ ген. Палицына при участіи моемъ и военно-морского агента капитана I ранга Дмитріева; другіе — позже по указаніямъ главнаго командованія, съ начала 1921 г. уже стремившагося придать безформенной массѣ офицеровъ-бѣженцевъ какую-либо организацію, которая способствовала бы сохраненію въ офицерахъ, поставленныхъ нынѣ въ столь тяжелыя и ненормальныя условія, офицерскаго облика внѣшняго и духовнаго, сохраненію ими военныхъ понятій и военныхъ взглядовъ, столь старательно вытравлявшихся въ офицерской средѣ въ періодъ революціи.

Нынѣ можно сказать, что во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ по политическимъ условіямъ возможно созданіе офицерскихъ союзовъ въ цѣляхъ взаимопомощи, таковые имѣются – въ Сербіи, Болгаріи, Греціи, Венгріи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Англіи, Италіи, Даніи, вольномъ городѣ Данцигѣ.

Въ другихъ странахъ — Чехословакіи, Польшѣ, Финляндіи, Румыніи, Литвѣ, Латвіи, Эстоніи — образованіе офицерскихъ союзовъ не разрѣшено и офицерство въ своемъ тяготѣніи къ взаимному сближенію находитъ выходъ въ созданіи рабочихъ артелей или просто группируется около какого-нибудь болѣе авторитетнаго офицера, и отовсюду тянутся нити къ главному командованію.

Нѣкоторые изъ этихъ союзовъ получили первенствующее значеніе, такъ какъ въ нихъ естественно записываются офицеры тотчасъ по прибытіи въ данную страну, чтобы имѣть какой то якорь, какую то тихую пристань, помощь въ случаѣ бѣды. Понятно, что вступленіе въ эти союзы офицеровъ, состоящихъ въ войсковыхъ частяхъ, стремленіе главнаго командованія по мѣрѣ развитія союзовъ взять на учетъ всѣхъ офицеровъ, проживающихъ заграницей, дабы въ нужную минуту имѣть связь со всѣми элементами, которые могли бы послужить къ развитію арміи, понятно, говорю я, что все это и должно было побудить главное командованіе ближе стать къ офицерскимъ союзамъ, посмотрѣть на нихъ не только какъ на филантропическія организаціи взаимопомощи, но какъ на собраніе всѣхъ военныхъ офицерскаго званія, для которыхъ военная организація и воинская дисциплина не дожны быть пустымъ звукомъ.

Первымъ положеніемъ, вытекающимъ изъ такого взгляда на офицеровъ, состоящихъ въ эмиграціи, большинство которыхъ влилось въ тѣ или другіе офицерскіе союзы, явилось — недопустимость для офицеровъ, считающихъ себя въ составѣ арміи, состоять въ политическихъ партіяхъ и принимать участіе въ ихъ работѣ въ качествѣ лицъ, отвѣтственныхъ передъ партійными руководителями; только то, что въ политическомъ отношеніи объединяетъ почти все русское зарубежное офицерство — антибольшевизмъ и готовность слѣдовать за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ — должно составлять политическое credo офицерства; все же, что можетъ внести раздоры и споры въ офицерскую среду, а именно принадлежность къ той или иной политической группировкѣ, на которыя разбился не только антибольшевистскій фронтъ, но къ сожалѣнію и монархическій фронтъ эмиграціи, все это должно быть изъято изъ офицерской среды и стать недоступнымъ для офицерской массы.

Эта точка зрѣнія Главнокомандующаго, однако, не во всѣхъ военныхъ кругахъ, такъ или иначе пріобщившихся къ политической работѣ, встрѣтила сочувственное пониманіе и особенно остро она оспаривается, какъ намъ извѣстно, политическими организаціями съ обоихъ фланговъ, — Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ съ одной стороны и недавно созданнымъ Республиканско-Демократическимъ Объединеніемъ съ другой. Для арміи конечный результатъ этой контроверзы существеннаго значенія, какъ выяснилось за этотъ годъ, имѣть не будетъ; нѣсколько сотъ офицеровъ предпочтутъ остаться въ членахъ политическихъ партій и главное командованіе не будетъ считать ихъ въ составѣ арміи.

Но вредъ и опасность такого разнаго пониманія основныхъ положеній — что можетъ и чего не долженъ дѣлать офицеръ, хотя бы и превращенный временно въ частнаго служащаго или рабочаго, если онъ все же хочетъ въ свое время снова сдѣлать свое офицерское дѣло, — вредъ отъ этого заключается въ томъ, что такое разное пониманіе внесло споры и смущеніе въ широкіе круги офицерства.

Однако, авторитетъ Главнокомандующаго и здѣсь сыгралъ свою роль, и въ громадной массѣ офицерство, даже и не состоящее въ рядахъ войсковыхъ частей, довѣряя Главнокомандующему, предпочитаетъ идти по пути, имъ указанному.

Нагляднымъ показателемъ, что въ нынѣшнихъ условіяхъ бытія арміи, она, Русская армія, съ ея Главнокомандующимъ является привлекающимъ центромъ для офицерства, лишь въ силу неумолимыхъ требованій жизни покинувшаго ряды арміи, съ нетерпѣніемъ ожидающаго дня, когда оно снова будетъ призвано нести офицерскую службу, являются факты, участившіеся за последнее время, когда офицеры, заброшенные судьбой въ далекія заморскія страны, гдѣ нѣтъ русскихъ политическихъ партійныхъ организацій, инстинктивно сближаются между собой и оттуда пишутъ Главнокомандующему и просятъ считать ихъ самихъ или ихъ союзъ въ составѣ арміи, просятъ давать имъ освѣдомленіе, не забыть ихъ въ нужную минуту. Недавно я получилъ подобное обращеніе отъ офицеровъ изъ Санъ-Пауло въ Бразиліи.

Заканчивая на этомъ свой очеркъ о жизни Русской арміи за послѣдніе три года, я хочу отвѣтить еще на одинъ вполнѣ естественный вопросъ: неужели же дѣйствительно жертвенность чиновъ Русской арміи такъ велика, что теперь и на будущее время, когда Главнокомандующій уже не можетъ болѣе матеріально пещись о чинахъ арміи, въ условіяхъ сколько нибудь приближающихся къ нормальнымъ взаимоотношеніямъ Главнокомандующаго и подчиненной ему арміи, — неужели можно еще долго расчитывать на такое идейное служеніе Родинѣ, на крѣпость офицеровъ и особенно менѣе культурныхъ солдатъ и казаковъ, вѣдь армія имъ уже ничего дать не можетъ.

На это я отвѣчу, господа, прочитавъ вамъ выдержку изъ полученнаго мною донесенія на дняхъ отъ командира лейбъ гвардіи казачьяго полка, перевезшаго свой дивизіонъ въ полномъ составѣ изъ Сербіи на работы во Францію:

„При слѣдованіи дивизіона по желѣзной дорогѣ люди были одѣты однообразно въ защитныя рубахи при синихъ шароварахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги и защитнаго цвѣта однотипныя фуражки русскаго образца. Дивизіонъ слѣдовалъ по Австріи и Швейцаріи 2-мя эшелонами до Туля, откуда для удобства слѣдованія былъ разбитъ на 3 эшелона. Въ пути эшелоны встрѣчались въ высшей степени любезно — возможно потому, что воинскій подтянутый видъ людей и порядокъ внушалъ уваженіе. Отошеніе администраціи Австріи, Швейцаріи и Франціи, а также публики, принадлежащей къ самымъ различнымъ слоямъ населенія, не оставляетъ желать лучшаго: 1) мои просьбы о предоставленіи отдѣльныхъ классныхъ вагоновъ неизмѣнно любезно удовлетворялись, несмотря на слѣдованіе скорымъ поѣздомъ, 2) громадное количество казачьяго добра въ видѣ сундучковъ, ящиковъ и чемодановъ безпрепятственно бралось въ пассажирскіе вагоны безъ сдачи въ багажъ, 3) весь багажъ всюду пропускали безъ осмотра, 4) отставшій случайно въ Люблянѣ вахмистръ,

документы и вещи котораго были въ эшелонѣ, былъ по моей просьбѣ на слѣдующій же день безъ документовъ пропущенъ через Австрію и Швейцарію и впущенъ во Францію, гдѣ присоединился къ дивизіону.

Изъ Туля дивизіонъ прослѣдовалъ скорымъ поѣздомъ черезъ Парижъ къ мѣсту работъ.

Перегрузка въ Парижѣ съ „Гаръ де л'Естъ“ на „Гаръ д'Орсей“ была произведена въ двухъ эшелонахъ по метро и въ одномъ на таксомоторахъ.

По прибытіи въ Деказвиль былъ очень любезно встрѣченъ администраціей.

Несмотря на то, что полученіе визъ для дивизіона было обусловлено рѣшительно для всѣхъ чиновъ дивизіона сертификатами труда простого чернорабочаго на копи въ Деказвилѣ, воинскій подтянутый видъ людей, организованность и порядокъ произвели должное впечатлѣніе.

Отличная работа первыхъ дней додѣлала остальное и дирекція легко пошла навстрѣчу рѣшительно всѣмъ моимъ — правда скромнымъ — пожеланіямъ“.

Вотъ, что дала армія этимъ доблестнымъ сынамъ тихаго Дона, съ 1918 года ведущимъ непримиримую борьбу съ большевиками.

А что дала армія въ данномъ случаѣ всѣмъ намъ, русскимъ бѣженцамъ?

Сто лѣтъ тому назадъ русскіе офицеры и солдаты исколесили всю Европу, побѣдителями и спасителями ея, и теперь снова они колесятъ по ней, въ условіяхъ безконечно тяжелыхъ. Но развѣ то, что я только что прочелъ вамъ, не есть тоже побѣда, которой всѣ мы можемъ гордиться?

Казачій дивизіонъ проѣхалъ всю Европу съ востока на западъ не какъ жалкіе просители-бѣженцы, а какъ побѣдители.

Что еще суждено міру пережить, одинъ Господь знаетъ.

Но такіе побѣдители имѣютъ всѣ данныя, чтобы въ нужную минуту снова стать и спасителями Европы.

Чѣмъ же достигнута эта побѣда?

Слова рапорта генерала Оприца говорятъ это ясно — военная организація и военная дисциплина.

Безъ территоріи, безъ оружія, но организованные и дисциплинированные офицеры и солдаты составляютъ армію.

Богатая вооруженіемъ, на своей собственной территоріи, наша армія въ 1917 году послѣ разрушенія военной организаціи и военной дисциплины перестала быть арміей, обратилась въ толпу — звѣря.

Всѣмъ, кто поможетъ Главнокомандующему въ неестественныхъ, безконечно трудныхъ условіяхъ сохранить въ Русской арміи военную организацію и военную дисциплину, Главнокомандующій скажетъ горячее спасибо, а мы всѣ, кто дѣлимъ съ нимъ работу и отвѣтственность за Русскую армію, отвѣсимъ низкій поклонъ.

Я кончаю съ чего началъ: измѣняется политическая обстановка, измѣнились условія жизни арміи, измѣняются формы, въ которыя

выливается временно организацiя нашей Русской, хотя и не вооруженной, но военной силы, но сама армiя остается той же, и въ силу закона притяженiя массъ она ширится и развивается вовлеченiемъ въ свою орбиту бывшаго ранѣе разбросаннымъ, а нынѣ постепенно организовываемаго зарубежнаго офицерства; въ исполненiи этой задачи Главнокомандующiй видитъ не свое право, не привилегiю своего высокаго званiя, а свой долгъ и тяжелый крестъ.

Армiя стоитъ на трехъ основанiяхъ:

1) абсолютная непримиримость съ совѣтской властью,

2) безграничная жертвенность всѣхъ чиновъ ея ради спасенiя Родины и

3) горячая вѣра въ высокое призванiе армiи, вѣрность нацiональному знамени, полное довѣрiе къ своему Главнокомандующему и радостное нетерпѣнiе слѣдовать по указанному имъ пути — за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

———

Русская Типографiя, Бѣлградъ, Космайская, 20.